

Покидать территорию завода запрещалось

07.12.2015

Воспоминаниями о том, какими были будни бойцов трудового фронта в первые годы войны, с нашим корреспондентом поделилась москвичка, жительница района Кунцево Александра Ефимовна Иванова

Осенью 1941 года Москва была объявлена осажденным городом. Все желающие могли покинуть ее, а некоторых даже заставляли эвакуироваться. Но часть жителей должна была остаться – это те, кого мобилизовали на трудовой фронт и оставили работать в столице. Два года бойцы столичного трудового фронта были на казарменном положении. Среди мобилизованных оказалась и Шурочка – **Александра Ефимовна Иванова**.

– Когда началась война, я работала на заводе имени Владимира Ильича Ленина. Токарем. Попала туда после учебы в ФЗУ. На фронт просилась, но не взяли, – вспоминает Александра Ефимовна. В первые же дни нас, комсомольцев, организовали в небольшие группы, которые должны были следить за порядком при эвакуации завода в глубокий тыл.

– А я считал, что завод работал всю войну на старом месте и выпускал снаряды.

– Выпускал и работал. Только в прежних цехах стояло другое оборудование, и работали совсем другие люди. Эвакуация началась сразу после начала войны, и к середине июля цеха стояли совершенно пустые. Завод был оборонным и жутко секретным. Даже мы порой не знали, что делается в некоторых цехах.

– Ну, теперь-то знаем.

– Да, теперь можно говорить о снарядах для «Катюши», а тогда – ни-ни. Когда все производство переправили в другое место, нас, двух девчат и пятерых молодых парней оставили на предприятии следить за порядком, причем готовили как диверсионную группу, обучали всем правилам конспирации. Оружие не давали и никаких особых задач не ставили. Только приказали сообщать обо всех незнакомцах, которые появлялись на территории завода. Для этого нас перевели на казарменное положение, и мы никуда не могли выйти за пределы территории. Я жила в санчасти, там оставались еще врач и медсестра. С другими членами группы нам общаться запрещалось.

– Как же пустой завод всю войну выпускал снаряды?

– К концу июля стало прибывать оборудование из Киева, и появились рабочие откуда-то с севера. Меня тут же поставили контролером на участок. Смены были по 12–16 часов. После дневной смены я работала в санчасти, куда стали привозить раненых. Причем не только наших, но и немцев. Наши все в ватниках, а те – в суконных шинелишках. И сукно такое тонкое. Недаром они так русских морозов боялись. Фронт уже подходил к самой Москве, и работы хватало на обоих моих участках. Спала по два-четыре часа в день. Принимала раненых, помогала санитаркам их раздевать, стирать одежду, чинить ее. Потом шла в цех, где точили снаряды. Порой сама вставала к станку. Холод был страшный. Цеха промерзали насквозь, а одежды теплой практически не было. Работали без перчаток, так что оставляли кожу на болванках.

– С родными виделись?

– Практически нет. Отец ушел на фронт, а мать с двумя моими сестренками и братом остались в городе. Перед началом эвакуации все получили по десять или шестнадцать килограмм муки на человека, не помню сейчас. Надолго этого не хватило, к тому же на попечении матери оставался парализованный дед. Если бы не моя редкая группа крови могли бы и не выжить. Тогда за сдачу крови не платили, а давали паек. Его я передавала маме с сестрами, а сама питалась в санчасти.

– А как же выходные? Неужели и в город не выходили?

– Нет. Сейчас это кажется странным, а тогда все так жили и никто не роптал. Даже бомбежки воспринимали как досадную помеху, а не трагедию. В бомбоубежищах не прятались.

– Вы попадали под бомбы?

– Даже ранена была. Страшнее всего было в чистом поле, куда нас возили копать рвы. Там спрятаться негде, ложишься на землю, скрючившись, вот и вся защита. Москву здорово бомбили, только наш завод как-то уцелел. Вся авиация на рядом стоящий деревообрабатывающий заводик целилась. Вот оттуда мне осколок и прилетел. Но был на излете и не убил. Мне грудь каким-то порошком присыпали и перебинтовали. А санчасть мне и так родным домом была. Жилым кварталам рядом крепко прилетело, от одной пятиэтажки только стена осталась. Стоит и не падает, а второй дом рядом пополам сложился.

– Сколько же все это продолжалось?

– Почти два года, в 43-м нам стало полегче. Только с едой и тогда было плохо. За деньги можно было на рынке одной мерзлой картошки купить. Хорошо, меня в санчасти подкармливали, а матери было очень трудно. Спасло их мое донорство. Страшное время было. Кстати, я так привыкла сдавать кровь, что и после войны делала это постоянно и безвозмездно, почти до шестидесяти лет.

– Вас наградили боевой медалью «За оборону Москвы». Когда получали ее, чувствовали, что заслуженно?

– Медаль мне вручали уже после войны, в парткоме завода, и особой радости не было. Я всегда сторонилась таких пафосных мероприятий. Ну, дали и дали. Карьеристкой никогда не была. Когда уже на пенсии выбрали секретарем первичной организации нашего дома, то никаких благ за это я не имела, только заботы. На парады не хожу, здоровье сейчас не позволяет, а раньше и желания не было. Вот дети, те мной гордятся, даже в «Бессмертный полк» зачислили. Сделали фото и еще увеличили фото моего отца. С ними и ходили на семидесятилетие Победы.

– Почему же не взяли вашу фотографию той поры?

– Так я же жива. А военных фотографий у меня и не было. Только одна осталась, где мне восемнадцать лет, но она предвоенная.

– Не снимались вообще?

– Снималась, но все украли. Озоровали после войны сильно. Альбом у нас был в чемодане с другими бумагами. Видимо подумали, что там ценности, и утащили.

– Как выглядела Москва в 41-м?

– Никак. Вся пустая и мрачная. Неузнаваемая. Не верилось, что это мой родной город. Я даже рада, что не видела ее такой тогда постоянно...

Беседовал Сергей Бердников

Адрес страницы: <http://kuntsevo.mos.ru/presscenter/news/detail/2355399.html>

[Управа района Кунцево](#)